

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ИЗ СОСТРАДАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

М. А. Горбатова, Н. И. Щипанова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье рассматриваются проблемы уголовной ответственности за убийство, совершенное по мотиву сострадания к потерпевшему. Авторы отмечают, что в связи с отсутствием в Уголовном кодексе РФ соответствующей самостоятельной нормы данное преступление в судебной практике в большинстве случаев квалифицируется как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ, реже – как убийство заведомо беспомощного потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Авторами утверждается, что в условиях пробельности уголовного закона убийство из сострадания должно расцениваться как простое убийство лишь при наличии просьбы потерпевшего о лишении его жизни, в связи с чем соответствующее смягчающее наказание обстоятельство (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) предлагается изложить как «совершение преступления ... по мотиву сострадания по просьбе потерпевшего». Анализ судебной практики показал, что мотив сострадания учитывается судами в качестве не только смягчающего, но и исключительного (ст. 64 УК РФ) обстоятельства, что позволяет им назначать наказание ниже низшего предела санкции. В целях единообразного применения закона авторы предлагают дополнить Уголовный кодекс РФ привилегированным составом убийства из сострадания по просьбе потерпевшего.

Ключевые слова: *убийство, простое убийство, тяжкое убийство, эвтаназия, мотив сострадания, просьба потерпевшего, смягчающее наказание обстоятельство.*

Моральные, религиозные, философские, правовые и иные аспекты убийства из сострадания обычно рассматриваются учеными при исследовании проблем эвтаназии. Термин «эвтаназия» буквально означает хорошую, легкую смерть (от греческого *eu* – хороший и *thanatos* – смерть), намеренное ускорение наступления смерти неизлечимо больного с целью прекращения его страданий.

Правовая оценка убийства, совершенного по мотиву сострадания к потерпевшему, остается предметом острых дискуссий на протяжении не одного столетия. В отдельные периоды законодатель признавал убийство из сострадания и привилегированным преступлением (Уголовное Уложение 1903 года), и даже непроступным деянием (УК РСФСР 1922 года). В основном же данный вид убийства в самостоятельный состав не выделялся, что способствовало и до сих пор способствует неоднозначной позиции судов по вопросам квалификации и наказуемости подобных преступлений. Согласно действующему уголовному закону мотив сострадания к потерпевшему может быть признан лишь обстоятельством,

смягчающим наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Следует признать, что формально убийство безнадежно больного потерпевшего из сострадания к нему содержит признаки квалифицированного состава – убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105). И в судебной практике встречаются решения с подобной квалификацией.

Так, приговором Курганского областного суда Лобов был признан виновным в умышленном причинении смерти другому человеку, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии. М., супруга Лобова, страдала тяжелым онкологическим заболеванием. В конце 2010 года состояние ее здоровья ухудшилось, сопровождалось сильными болями. Вечером 9 января 2011 г. М. сказала ему: «Придуши меня, я уже не могу мучиться от боли». Чтобы прекратить страдания жены, Лобов сдавил ее шею шнуром и задушил. Суд нашел доказанным, что убийство М. подсудимый совершил по мотиву сострадания, выполняя ее просьбу о лишении жизни. При

этом Лобов понимал, что потерпевшая в силу тяжелого заболевания не может передвигаться и не окажет ему сопротивление, то есть находится в беспомощном состоянии. Поэтому суд квалифицировал содеянное Лобовым по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии. В связи с исключительными обстоятельствами, связанными с мотивами убийства, приговором суда Лобову назначено наказание в виде четырех лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Однако мы полагаем, что в условиях проблемности уголовного закона рассматриваемые преступления должны все же квалифицироваться как простые убийства – по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Данное решение, по нашему мнению, является единственно верным и справедливым, хотя и не вполне соответствующим букве закона. Вместе с тем для признания убийства из сострадания простым, а не квалифицированным убийством необходимы достаточные основания, подтверждающие наличие «извинительного» обстоятельства. Для выяснения этих обстоятельств проведем анализ элементов и признаков состава убийства по мотиву сострадания.

Непосредственным объектом данного убийства является жизнь потерпевшего, характеристика которого имеет принципиальное значение для квалификации преступления. По мнению И. А. Гюлишановой, «потерпевший должен быть безнадежно больным или иным образом обреченным на смерть человеком, к тому же находящимся в беспомощном состоянии и испытывающим непереносимые страдания» [4, с. 52]. В целом, соглашаясь с данным определением, заметим, что указание в нем на признак беспомощности является лишним, так как потерпевший не обязательно должен быть лишен возможности осознавать происходящее или оказывать сопротивление.

М. М. Антоненко отмечает, что потерпевший должен быть неизлечимо больным, испытывать мучительные страдания, невыносимые муки; его смерть неизбежна [1, с. 143]. М. И. Ковалев полагал, что потерпевшие от убийства из сострадания переносят невыносимые страдания в результате неизлечимой болезни, как правило, в ее терминальной (конечной) или предтерминальной стадии. «Они сами неспособны убить себя безболезненным

способом и молят других лиц (врачей или близких им людей) помочь уйти из жизни» [6, с. 33].

Как показывает практика, не всегда страдания потерпевшего связаны с неизлечимой болезнью. Мучительные повреждения могут быть вызваны, например, тяжелым ранением. Так, Катангским районным судом Иркутской области за умышленное убийство своего брата Н. Александров был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к лишению свободы на восемь лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Преступление было совершено 6 ноября 1998 г., когда братья выходили из охотничьих угодий. После отдыха Н. Александров вставил патрон с зарядом картечи в патронник своего ружья и, проявив пренебрежение к правилам безопасности при эксплуатации охотничьего ружья, закрыл ружье с одновременным нажатием на рычаг запирающего ствола и спусковой крючок, вследствие чего произошел неожиданный выстрел. Этим выстрелом было причинено пять огнестрельных ранений картечью В. Александрову. Убедившись, что брат ранен в голову, решив, что не сможет оказать ему необходимую помощь, Н. Александров с целью лишения жизни В. Александрова произвел два выстрела снарядами, причинив потерпевшему два проникающих ранения грудной клетки. Смерть В. Александрова наступила от обильной кровопотери, массивных разрушений органов грудной клетки и височной доли вещества головного мозга.

Суд установил, что убийство совершено по просьбе потерпевшего из сострадания к нему. Председатель областного суда в протесте поставил вопрос об изменении приговора. Президиум Иркутского областного суда протест удовлетворил, указав, что вина Н. Александрова в совершении указанных действий установлена, его действия судом первой инстанции правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ как умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств. Однако при назначении наказания суд не учел, что мотив сострадания в силу п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание. Поэтому надзорная инстанция снизила наказание до шести лет лишения свободы.

Поведение потерпевшего играет особую роль в механизме совершения убийства из

сострадания. Он сам своими действиями, просьбой о смерти толкает виновного на преступление.

Так, приговором Пушкинского городского суда Фролов был признан виновным в умышленном причинении смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Фролов показал, что с Ч. они были знакомы на протяжении 15 лет, были хорошими друзьями, Ч. проживал в браке с его сестрой. Ч. болел раком, лежал в постели. В один из дней Ч. стал жаловаться, что устал мучиться и мучить близких, попросил его (Фролова) убить его. Ему стало жалко Ч., он не мог видеть его страданий и решил выполнить его просьбу. Ч. достал нож и передал ему, он взял в правую руку нож, наставил лезвие ножа в область груди, надавил на нож. Нож по рукоятку вошел в грудь, при этом он надавил на рукоятку ножа массой своего тела. Ч. практически сразу перестал подавать признаки жизни. С учетом смягчающего обстоятельства в виде мотива сострадания к потерпевшему Фролову назначено наказание в виде семи лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Д. С. Князев отмечает, что просьба об убийстве может исходить не только от самого потерпевшего, но и от его близких родственников (при отсутствии возможности дать согласие самому потерпевшему ввиду болезни) [5, с. 9]. Полагаем, что это очень спорное мнение, так как может допускать злоупотребления со стороны указанных автором лиц.

Просьба потерпевшего о лишении его жизни должна быть осознанной, недвусмысленной и добровольной. М. М. Антоненко утверждает: «Лицо должно высказать просьбу о причинении ему смерти неоднократно. Однако здесь также требуется соблюдение ряда условий. Во-первых, сама просьба должна предшествовать по времени совершению деяния. Кроме того, лицо, высказывающее просьбу, должно четко осознавать ее значимость и последствия. Что касается неоднократности просьбы, то она должна повториться не менее двух и более раз» [2, с. 156]. Автор обосновывает свою позицию тем фактом, что человек до последнего мгновения обладает свободой воли, а потому может изменить свое решение.

Просьба не будет иметь уголовно-правового значения, если она была высказана под принуждением либо в результате введе-

ния в заблуждение. Убийство, последовавшее после такой просьбы, по нашему мнению, должно квалифицироваться как убийство беспомощного потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Тем более подобная квалификация должна иметь место в случае убийства при отсутствии просьбы потерпевшего.

Так, несмотря на установленный мотив сострадания в деле об убийстве тяжело больной потерпевшей, Свердловский областной суд признал Поличинского виновным в убийстве лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Поличинский, находясь в состоянии алкогольного опьянения, осознавая, что М. в силу заболеваний находится в беспомощном состоянии, неспособна защитить себя и оказать ему сопротивление, действуя умышленно, с целью причинения смерти М. из чувства жалости и сострадания к ней, взял нож, подошел к лежащей на диване М., положил одну руку ей на лицо, надавил и резко повернул ее голову справа налево, в результате чего произошли запредельный поворот шеи и чрезмерное разгибание в шейном отделе позвоночника; второй рукой нанес М. один удар ножом в область шеи справа. В результате умышленных действий Поличинского была причинена смерть М.

Подсудимый Поличинский полностью признал вину и пояснил, что он разговорился с М., которая лежала парализованная, рассказала, что у нее все болит, она не может самостоятельно принимать пищу, не встает с постели и устала так жить. В силу нахождения в состоянии алкогольного опьянения он расценил ее слова как просьбу помочь ей быстрее уйти из жизни, пожалел ее и решил убить, понимая, что она находится в беспомощном состоянии.

Суд назначил Поличинскому наказание в виде лишения свободы на срок 13 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок два года.

Таким образом, для признания убийства совершенным по мотиву сострадания к потерпевшему последний должен обладать следующими признаками:

- а) он неизлечимо болен или иным образом обречен на смерть;
- б) он испытывает невыносимые страдания;

в) он добровольно и осознанно попросил прекратить его страдания посредством причинения ему смерти.

Объективная сторона убийства из сострадания включает в себя деяние в виде причинения смерти потерпевшему, последствие в виде его смерти и причинную связь между совершенным деянием и наступившим последствием. Деяние может быть выражено в виде действия (активная эвтаназия) или бездействия (пассивная эвтаназия). Смерть потерпевшему может быть причинена путем введения инъекций, ускоряющих процесс умирания, посредством отказа врача от лечения пациента или отключения аппаратов, поддерживающих его жизнедеятельность, и т. п.

Вместе с тем анализ опубликованной судебной практики по делам об убийстве из сострадания показал, что в судебных решениях не встречается случаев осуждения за пассивную эвтаназию. Как демонстрируют приведенные выше примеры, данный вид посягательства на жизнь обычно совершается в активной форме близкими потерпевшего.

Субъектом убийства по мотиву сострадания к потерпевшему согласно ст. 19 и ч. 2 ст. 20 УК РФ является физическое вменяемое лицо, которое на момент совершения преступления достигло 14 лет.

По мнению Р. А. Стефанчук, данное преступление совершается специальным субъектом – медицинским работником, к числу которых можно отнести как врача, так и вспомогательный медицинский персонал (фельдшера, медицинскую сестру и др.) [3, с. 211]. Схожую позицию занимает В. В. Скоробогатова, отмечая, что субъектом эвтаназии может быть только врач [7, с. 104].

М. М. Антоненко рассматривает круг специальных субъектов убийства из сострадания гораздо шире: «Им может быть медицинский или социальный работник, родственник или знакомое лицо, осведомленное о тяжелой неизлечимой болезни и страданиях, связанных с этой болезнью» [2, с. 153].

По нашему мнению, убийство из сострадания может быть совершено любым лицом, причастным к данной ситуации, то есть субъект преступления общий. Чаще всего субъектами таких убийств становятся супруги, друзья, близкие родственники потерпевшего, которые стремятся избавить его от страданий. Так, в Курганской области 51-летний Жаркин

признан виновным в совершении простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). В собственном доме в селе Целинное он задушил свою 56-летнюю сестру, которая длительное время болела онкологическим заболеванием и не могла самостоятельно обслуживать себя и передвигаться. В своих показаниях Жаркин указал, что совершил убийство по просьбе потерпевшей из сострадания к ней. В связи с исключительными обстоятельствами, связанными с целями и мотивами убийства, приговором суда Жаркину назначено наказания в виде трех с половиной лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Субъективная сторона убийства по мотиву сострадания характеризуется только прямым умыслом. Субъект осознает, что его деяние является общественно опасным, причиняющим смерть другому человеку, предвидит неизбежность или реальную возможность лишения потерпевшего жизни и желает наступления этого последствия. Полагаем, что субъект должен осознавать и особые характеристики личности потерпевшего – его неизлечимую болезнь (или иное состояние), причиняющую невыносимые страдания, его неминуемую скорую смерть. При этом виновный должен понимать осознанный и добровольный характер просьбы потерпевшего о лишении его жизни.

Обязательными признаками субъективной стороны рассматриваемого убийства являются мотив и цель совершения преступления. Мотив сострадания к неизлечимому больному может выражаться в чувстве жалости, сочувствия к физическим мучениям потерпевшего. Цель исследуемого состава преступления – избавление больного от мучительных страданий посредством его убийства.

Если мотив сострадания у виновного не будет установлен, содеянное следует квалифицировать как убийство беспомощного потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Тем более аналогичная квалификация требуется и в том случае, если при убийстве безнадежно больного, беспомощного человека, нуждающегося в постоянном уходе и внимании, виновный руководствуется мотивом избавления себя от переживаний и обузы.

Анализ судебной практики показал, что суды уделяют достаточное внимание исследованию мотива сострадания к потерпевшему вследствие указания на данное смягчающее

обстоятельство в ст. 61 УК РФ. В то же время полагаем, что для квалификации рассматриваемого убийства по ч. 1, а не по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что убийство совершалось по просьбе потерпевшего. Поэтому п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ целесообразно дополнить указанием на данное смягчающее обстоятельство, которое должно дополнять мотив сострадания. Данный пункт должен быть изложен следующим образом: «д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания по просьбе потерпевшего».

Кроме того, давно возникла необходимость введения в Уголовный кодекс РФ самостоятельной нормы об ответственности за привилегированное убийство из сострадания по просьбе потерпевшего. Данное решение будет способствовать единообразному применению закона и назначению справедливого наказания.

Литература

1. Антоненко, М. М. Уголовно-правовая оценка эвтаназии как отдельного состава пре-

ступления / М. М. Антоненко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 142–145.

2. Антоненко, М. М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Антоненко. – Калининград, 2018. – 253 с.

3. Биомедицинское право в России и за рубежом / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов и др. – М.: Проспект, 2015. – 364 с.

4. Гюлишанова, И. А. Уголовно-правовой статус потерпевшего при эвтаназии / И. А. Гюлишанова // Законность. – 2011. – № 3. – С. 52–55.

5. Князев, Д. С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка / Д. С. Князев // Российский следователь. – 2009. – № 16. – С. 9–10.

6. Ковалев, М. И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека / М. И. Ковалев. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. – 84 с.

7. Скоробогатова, В. В. Правовые аспекты эвтаназии / В. В. Скоробогатова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 100–105.

Горбатова Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: gorbатовam@mail.ru.

Щипанова Надежда Ивановна – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: nip@74.ru.

Статья поступила в редакцию 4 июня 2019 г.

DOI: 10.14529/law190304

RESPONSIBILITY FOR MURDER FROM COMPASSION: SOME ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

M. A. Gorbatova, N. I. Shchipanova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article discusses the problems of criminal liability for a murder committed on the basis of compassion for the victim. The authors note that in the absence of a corresponding independent norm in the Criminal Code of the Russian Federation, this crime in judicial practice in most cases qualifies as a simple murder under Part 1 of Art. 105 of

the Criminal Code of the Russian Federation, less often - as the murder of a knowingly helpless victim (paragraph "c" of Part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). The authors argue that in the context of the gap of the criminal law, compassionate murder should be regarded as a mere murder only if the victim requests the person to be deprived of his life, in connection with which the relevant mitigating punishment circumstance (paragraph "d" of Part 1 of Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation) it is proposed to state as "the commission of a crime ... based on compassion at the request of the victim". An analysis of judicial practice showed that the motive of compassion is taken into account by the courts as not only mitigating, but also exceptional (Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation) circumstances, which allows them to sentence below the lower limit of sanction. In order to ensure uniform application of the law, the authors propose to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with the privileged composition of murder out of compassion at the request of the victim.

Keywords: killing, simple murder, murder, euthanasia, motive of compassion, request of the victim, mitigating circumstance.

References

1. Antonenko M. M. [Criminally legal estimation of euthanasia as separate structure of a crime]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia]*, 2018, no. 1, pp. 142–145. (in Russ.)
2. Antonenko M. M. *Evtanaziya kak raznovidnost' ubiystva v ugovnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk [Euthanasia as a type of murder in criminal law. Diss. Kand. (Law)]*. Kaliningrad, 2018, 253 p.
3. Romanovskiy G. B., Tarusina N. N., Mokhov A. A. *Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom [Biomedical law in Russia and abroad]*. Moscow, 2015, 364 p.
4. Gyulishanova I. A. [Criminal legal status of the victim in euthanasia]. *Zakonnost' [Legal order]*, 2011, no. 3, pp. 52–55. (in Russ.)
5. Knyazev D. S. [Euthanasia and its criminal law assessment]. *Rossiyskij sledovatel' [Russian investigator]*, 2009, no. 16, pp. 9–10. (in Russ.)
6. Kovalev M. I. *Pravovye problemy zashchity zhizni, zdorov'ya i geneticheskogo dostoinstva cheloveka [Legal problems of protection of human life, health and genetic dignity]*. Ekaterinburg, 1996, 84 p.
7. Skorobogatova V. V. [Legal aspects of euthanasia]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian legal journal]*, 2009, no. 5, pp. 100–105. (in Russ.)

Marina Anatolyevna Gorbatova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: gorbatovam@mail.ru.

Nadezhda Ivanovna Shchipanova – Associate Professor of Criminal and Criminal-Executive Law, Criminology Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: nip@74.ru.

Received 4 June 2019.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбатова, М. А. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики / М. А. Горбатова, Н. И. Щипанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 22–27. DOI: 10.14529/law190304.

FOR CITATION

Gorbatova M. A., Shchipanova N. I. Responsibility for murder from compassion: some issues of theory and practice. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 22–27. (in Russ.) DOI: 10.14529/law190304.